



## Местные сельские праздники в перспективе культурной памяти русского и финно-угорского населения Нижегородской области

Ольга Валерьевна Гальцева

*Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник,  
Нижний Новгород, Россия*

**Введение.** В статье в контексте культурной памяти анализируется механизм укоренения и последующего функционирования местных религиозных праздников в культурном пространстве российских сельских сообществ XIX–XX вв.

**Материалы и методы.** Были исследованы и обобщены материалы, содержащиеся в научных трудах, дающих представление о рассматриваемой проблеме, а также использованы полевые материалы автора, собранные в этнографических поездках по Нижегородской области. Методологической основой исследования являются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. При сборе полевых материалов были использованы такие методы полевой этнографии, как непосредственное наблюдение и интервьюирование.

**Результаты исследования и их обсуждение.** В современной гуманитарной науке репрезентативные свойства праздника осмысляются в контексте культурной памяти, где праздник выступает ее элементом или первичной формой. В рамках такого подхода праздник можно рассматривать и как «общий текст», который, по Ю. Лотману, сохраняется и актуализируется в пространстве общей памяти сообщества, и как механизм этой актуализации, действующий из поколения в поколение и позволяющий членам этого сообщества осуществлять культурную самоидентификацию. Автор представляет местные религиозные праздники русского и финно-угорского населения (мордвы и марийцев) Нижегородской области как одну из традиционных форм сохранения, актуализации и межпоколенной передачи информации, значимой для формирования культурной идентичности.

**Заключение.** Местные религиозные праздники являлись тем механизмом, посредством которого коллективная память отдельных сельских сообществ осмыслялась, сохранялась и ретранслировалась через единые традиционные формы общерусской духовной культуры. В культурной памяти финно-угорских народов местные религиозные праздники русских соседей стали ключом к восприятию христианских культов и сыграли важную роль в процессах аккультурации.

**Ключевые слова:** культурная память, праздник, местный праздник, престольный праздник, духовное наследие, национальная идентичность

**Для цитирования:** Гальцева О. В. Местные сельские праздники в перспективе культурной памяти русского и финно-угорского населения Нижегородской области // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 1. С. 38–48. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.38-48.

### Введение

Среди многочисленных видов традиционных праздников большое значение в XIX в. приобрели так называемые местные сельские праздники, которые локально отмечались каждой крестьянской общиной. Из всего многообразия местных праздников особый интерес вызывают религиозные. В основе таких праздников лежит память о значимых религиозных событиях местной истории, которая на протяжении всего XX века сохраня-

лась в их смысловом поле и до настоящего времени играет заметную роль в формировании территориальной и общенациональной идентичности россиян. Исследование было предпринято с целью проанализировать в контексте культурной памяти механизм укоренения и последующего функционирования местных религиозных праздников в культурном пространстве российских сельских сообществ XIX–XX вв.

## Обзор литературы

Местные сельские праздники долгое время не были предметом специального изучения. Все публикации по праздничной обрядности русского народа конца XIX – середины XX в. (работы В. Я. Проппа, И. М. Снегирева, А. В. Терещенко, В. И. Чичерова и др. [26; 29; 30; 33] относятся главным образом к общепочитаемым календарным праздникам, материалы по местным сельским праздникам встречаются в них лишь фрагментарно.

В конце XX столетия исследователи начинают обращать внимание на местные праздники как на целостное явление. М. М. Громько в монографии «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.» рассматривает отдельные местные праздники в качестве значимой составляющей социально-общественной жизни крестьян [14], а в книге «Мир русской деревни» посвящает им небольшой очерк [13, 364–367]. Т. А. Бернштам в рамках изучения «народного православия» затрагивает тему местных религиозных праздников [5–7], в исследовании «Приходская жизнь русской деревни» в главе о сельских приходских праздниках раскрывает общие принципы формирования иерархии локального праздничного календаря крестьянской общины [8, 260–278]. Л. А. Тульцева в статье «Престольные праздники в картине мира (мироколице) православного крестьянина» представляет сельский престольный праздник центром обрядовой жизни сельского населения, в котором соединяются церковная и народная культуры [31]. Традиционные местные праздники русских крестьян в контексте народного православия исследуются в работах В. В. Власовой [12] и А. Н. Розова [28].

Рассматривать местные праздники как самостоятельную систему первым предложил М. И. Васильев: он проанализировал типологию, привел классификацию местных сельских праздников конкретной территории и проследил динамику их развития [10; 11].

В изданной в 2005 г. коллективной монографии «Русские» из серии «Народы и

культуры» Н. С. Полищук были систематизированы все попавшие в поле зрения автора сведения по местным праздникам русских, как сельским, так и городским [23]. В 2011 г. в сборнике статей «Церковные праздники русского народа. От прошлого к настоящему», посвященном осмыслению церковной культуры в рамках народной праздничной культуры, были опубликованы статьи И. А. Кремлевой и Т. А. Листовой, написанные на современном материале по местным сельским праздникам [17; 18]. В 2014 г. у А. В. Черных в общем цикле «Русский народный календарь в Прикамье» вышла книга, полностью сосредоточенная на местных праздниках Пермского края, в которой приведен комплексный анализ структуры и содержания местных праздников русского населения в контексте праздничной культуры [32].

Местные религиозные праздники Нижегородской области пока не становились объектом специального исследования, на сегодняшний день информация о них представлена фрагментарно.

Что касается местных сельских праздников мордвы и марийцев, то в большинстве своем они лишь упоминаются в обобщающих работах об обрядовой культуре этих народов. Из них можно назвать классический труд по мордве Нижегородской губернии П. И. Мельникова-Печерского «Очерки мордвы», где автор на примере мордвы-терюхан рассматривает постепенное распространение в их среде устоев православия, в том числе местных престольных праздников [21]. Этот же процесс прослеживают в монографии «Мордва и вера» Н. Ф. Мокшин и Е. Н. Мокшина [22]. Кроме того, они показывают широкое распространение сельских престольных праздников у мордвы в настоящее время. Традицию укрепления в быту мордвы местных престольных праздников и связанных с ними элементов обрядности исследует в одной из своих монографий Г. А. Корнишина [16]. Имеется также специальная публикация Н. Ф. Беляевой о престольных праздниках мордвы-мокши в XIX – начале XX в. [4]. Отдельные сведения о местных праздниках сельских ма-

рийцев приводятся в обобщающем труде по истории и культуре этого народа, вышедшем в 2005 г. [20], а также в сборнике материалов, посвященном некоторым аспектам этнической культуры нижегородских марийцев<sup>1</sup>.

В целом можно отметить, что в большинстве исследований этнографический материал по местным сельским праздникам рассматривается либо в рамках более общей темы, либо в аспекте изучения локальной традиции. До настоящего времени не существует четкого представления об их типологии, происхождении, функциях, роли в культуре, структуре и динамике развития.

В работах В. В. Артюшкиной [2], В. Н. Поповой [24], К. Э. Разлогова [27] феномен праздника раскрывается как один из способов репрезентации культурной памяти, однако исследований взаимосвязи традиционных праздников и культурной памяти пока не проводилось.

### Материалы и методы

Для достижения основной цели данного исследования использовались положения о специфике культурной памяти, высказанные Ю. М. Лотманом [19], что позволило рассмотреть местные сельские праздники как культурные тексты, сохраняющиеся и актуализирующиеся в пространстве общей памяти сельского сообщества. Применение историко-сравнительного метода было связано с необходимостью проследить состояние местных сельских праздников в дореволюционном, советском и постсоветском культурном пространстве. Это позволило выявить их обусловленность традиционными праздничными формами и содержанием общей памяти, а также продемонстрировать их участие в процессах формирования идентичности и аккультурации.

В процессе работы над статьей был проведен историографический анализ научных трудов, который дал возможность получить большое количество теоретико-методологического и фактологического

материала по рассматриваемой проблеме. Он был дополнен полевыми материалами автора, собранными в этнографических поездках по Большемурашкинскому, Варнавинскому, Вачскому, Ветлужскому, Вознесенскому, Дальнеконстантиновскому, Дивеевскому, Княгининскому, Ковернинскому, Кстовскому, Кулебакскому, Лукояновскому, Сосновскому, Тоншаевскому, Чкаловскому районам Нижегородской области. При этом использовались методы полевых исследований, в частности наблюдения и интервьюирования.

### Результаты исследования и их обсуждение

Смысловое поле слова «праздник» в культуре русского народа относилось к духовно-религиозной сфере жизни и определялось рамками церковного календаря. Деление времени на будни и праздники посредством церковного календаря выступает поздней социализацией времени, сложившейся у русских крестьян в XVII–XVIII вв., однако, как пишет Т. А. Бернштам, именно эта система унаследовала архаичный счет времени, проявляющийся в конце XIX в. в локальном своеобразии праздничного календаря в каждой русской деревне [5, 120]. В отчетах Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, фиксирующих состояние крестьянского сословия в конце XIX в., мы находим однозначные ответы на вопрос о том, какие дни в году празднуют русские крестьяне. И сами крестьяне, и представители сельской интеллигенции в числе почитаемых и отмечаемых выделяют праздники церковные, причем на первом месте в большинстве случаев стоят местный престольный праздник и Пасха<sup>2</sup>.

Через сто лет, несмотря на сложные преобразования, произошедшие в общественном сознании, ответы на вопрос о том, какие праздники отмечались в той или иной сельской местности, остались прежними. Информанты старшего (1930–1940-х годов рождения) и среднего (1950–1960-х годов рождения) поколений (рожденные

<sup>1</sup> См.: Нижегородские мари: современное состояние и культура / сост. Н. В. Морохин. Йошкар-Ола, 1994.

<sup>2</sup> См.: Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 1. Костромская и Тверская губернии: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб., 2004.

и выросшие уже в советском обществе) в начале XXI в. продолжают называть в числе отмечаемых в их селении праздников известные им памятные «Божественные» события церковного календаря, выделяя среди них престольные праздники. «Праздники – это только престольные у нас называли, старинные...»<sup>3</sup>; «Праздники – это только церковные»<sup>4</sup>; «Праздник – это престольный, конечно, это в первую очередь у нас...»<sup>5</sup>; «У нас главные праздники: Пасха, Никола и Троица»<sup>6</sup>.

Устойчивое положение местных религиозных праздников в культурном пространстве крестьянской общины, а потом и советской деревни было связано с тем, что они, имея непосредственное отношение к местной истории и развиваясь самостоятельно внутри каждого крестьянского общества, оставались частью народной духовной культуры, всегда лежащей в основе национальной идентичности.

О непосредственной связи праздника с духовной сферой культуры (сакральной сутью) того или иного народа писали М. Элиаде [34], М. М. Бахтин [3], В. Н. Топоров<sup>7</sup>. Так, М. М. Бахтин утверждал, что «никакое “упражнение” в организации общественно-трудового процесса, никакая “игра в труд” и никакой отдых или передышка в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными. Чтобы они стали праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, то есть из мира идеалов» [3, 7]. В. Н. Топоров считал, что «связь сакральности и праздника в его архаичной форме настолько обязательна, что в известной степени и в определенном контексте можно сказать, что сакрально то, что связано с сутью праздника, с его ядром»<sup>8</sup>.

Хозяйственный быт российского крестьянина был сопряжен с постоянным преодолением ожидаемых и непредвиденных трудностей, таких как рискованные условия земледелия, социальная и экономическая незащищенность, влияние на жизнь внешних, часто стихийных факторов. Все эти обстоятельства в сочетании с глубокой религиозностью выстраивали жизнь землепашца в ритме постоянного диалога с Божественным, что находило выражение в местных религиозных праздниках. В материалах Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева по Владимирской губернии в разделе «Почитание праздничных дней» находим следующие сведения: «В каждом селе существуют свои праздничные дни – “в память какого-либо посещения Божия” (таковым мог быть, напр., пожар, падеж скота)» [9, 152]. «Посещение Божие», по религиозным народным воззрениям, предоставляло обществу возможность обрести небесного заступника – покровителя, после молитвенного обращения к которому бедствие прекращалось. По решению мирского схода этому святому устанавливался праздник по обещанию, или обету (обещанный, обетный, заветный), ежегодно отмечаемый данным сообществом. В таком контексте к «посещению Божию» можно отнести и чудесные обретения местных святых (особо почитаемых икон, природных объектов, святых мощей и пр.), через которые также осуществлялся диалог с просьбой о покровительстве. В честь этих событий устанавливались ежегодные обретенные, или явленные, праздники.

Если же речь шла о деревне и за установлением праздника следовало строительство храма, праздник получал статус престольного, главного, праздника, а деревня – статус села. Несколько перефразируя высказывание С. А. Приклонского, можно сказать, что со строительства

<sup>3</sup> Полевой материал автора: с. Ивановское Княгининского района Нижегородской области, 2009 г. (далее – ПМА).

<sup>4</sup> ПМА: с. Шандрово Лукояновского района Нижегородской области, 2011 г.

<sup>5</sup> ПМА: с. Большое Лебедево Кстовского района Нижегородской области, 2009 г.

<sup>6</sup> ПМА: с. Дальнее Константиново Дальнеконстантиновского района Нижегородской области, 2019 г.

<sup>7</sup> См.: Топоров В. Н. Праздник // Мифы народов мира: энцикл. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 2. С. 329–331.

<sup>8</sup> Там же. С. 329.

церкви начинается история русской деревни [25, 42].

Память о чудесных событиях, положенных в основу местной истории, сохранялась в информационном поле престольного праздника, передаваясь устно от поколения к поколению. Ниже приводятся примеры русских преданий, первое из которых записано в конце XIX в., а три других – в начале XXI в.

Корреспондент Этнографического бюро из Ветлужского уезда Костромской губернии (ныне Ветлужский район Нижегородской области) в одном из сообщений рассказал о храме с. Радщинского, который «освящен Фролу и Лавру. Предание говорит, как освящена церковь: 33 лет по случаю найденной иконы Фрола и Лавра в источнике из горы. Народ ездит в эту церковь на конях верхом 18 августа, тоже по обещанию служить молебен святым мученикам, после выздоровления от болезни лошадей. Кто из крестьян съездит и сослужит молебен о здравии, никогда никакая лошадь не захворает и не припадет. Служат молебен, обходя круг поля с крестным ходом, тем святым, которым старики обещались»<sup>9</sup>.

Предание об освящении Смоленской церкви с. Большое Мокрое Кстовского района гласит, что однажды группа мокринцев (стариков, женщин и детей) отправилась в лес. Было жарко, хотелось пить. Пошли на ключ, и там одному старому человеку явилась на поверхности воды икона. Не имея своей церкви, люди решили отдать икону в приходскую церковь с. Стан-Шелокша. Однако оттуда она чудесным образом исчезла и явилась на том же месте. Тогда умные люди решили, что нужно строить храм в самой деревне, но еще до постройки храма в честь иконы был установлен праздник, который сразу стали называть престольным<sup>10</sup>.

В д. Зотово Тоншаевского района старожилы помнят услышанную от родителей историю праздника в честь Фрола и Лавра, который они называют своим престолом. «Однажды случился в деревне страшный

мор лошадей, тогда приехал из Тоншаева священник, окропил лошадей святой водой, и мор прошел, было это в праздник Фрола и Лавра. С тех пор день Фрола и Лавра стал праздником этой деревни. Каждый год в этот день из Тоншаева на тантантасе приезжал батюшка, а люди приводили своих лошадей, их купали в пруду и окропляли святой водой, после чего началось общее гулянье»<sup>11</sup>. Со временем в празднике стали принимать участие и жители соседних поселений. На общие средства в честь святых в деревне была построена часовня.

Жители с. Туркуши Кулебакского района рассказали о своем престольном празднике, который они называют чудом, следующее: «Было это чудо очень-очень давно, на месте не существующего ныне села Архангельского. Как-то раз хлынула с горы на храм вода, тогда явился сам Михаил Архангел и рассек воду на два потока и храм остался невредим». Место, о котором говорится в предании, могут показать практически все<sup>12</sup>. Здесь действительно было расположено старое село с разрушенным ныне храмом, который, по данным адрес-календаря Нижегородской епархии, был построен в 1710 г. и освящен в честь Михаила Архангела.

В советское время, когда община перестала быть приходом, сельские престольные праздники остались единственным звеном культурной памяти, соединявшим современное поколение с его духовным наследием. Отвечая на заданный нами вопрос «Какое освящение имела разрушенная церковь?», затруднения испытывали представители не только среднего, но и старшего поколения, но то, какой был престол, знали и помнили все.

На рубеже XX–XXI вв. с началом активного восстановления сельских храмов многие предания о событиях местной истории, которые легли в основу местных праздников, были вписаны в летопись приходов. Так, в с. Елифаново и Сергиево Вачского района праздник в честь Тих-

<sup>9</sup>Русские крестьяне. С. 71.

<sup>10</sup>ПМА: с. Большое Мокрое Кстовского района Нижегородской области, 2008 г.

<sup>11</sup>ПМА: д. Зотово Тоншаевского района Нижегородской области, 2004 г.

<sup>12</sup>ПМА: с. Туркуши Кулебакского района Нижегородской области, 2005 г.



винской иконы Божией Матери вошел в местный календарь после чуда, произошедшего в этот день на окрестном источнике. Предание о чуде более 100 лет сохранялось в смысловом поле явленного праздника. Теперь в Тихвинской часовне каждый может познакомиться с ним на специально установленном стенде<sup>13</sup>. На сайте храма Живоначальной Троицы с. Аламасово Вознесенского района представлена история обретения иконы Тихвинской Божией Матери, в честь которого в советское время был установлен обетный праздник, 70 лет сохраняющий память о чудесном событии<sup>14</sup>. В Успенской церкви с. Суворово Дивеевского района с 2006 г. находятся мощи четырех новомучениц: Евдокии, Дарьи, Дарьи и Марии<sup>15</sup>. До обретения мощей память о мученической смерти будущих святых без малого 90 лет сохранялась в обетном празднике, который жители села отмечали тайно по ночам в годовщину их гибели. В поселениях Поветлужья традиция празднования трех «годин» в честь Макария Желтоводского, Варнавы Ветлужского и Тихона Луховского была основана на устных преданиях о плавании святителей по р. Ветлуге. Центрами местных праздников стали три села: Варнавино, Макарий-Притыка и Лапшанга, где, по преданию, святые выходили на берег. В 2010 г. в день памяти Тихона Луховского – «Тихонову годину» – в с. Лапшанга Варнавинского района был совершен чин закладки храма в честь трех святителей Ветлужских<sup>16</sup>.

Важную роль в процессах аккультурации финно-угорских народов Нижегородского Поволжья (мордвы, марийцев) сыграло установление местных религиозных праздников, воспринятых ими от русских соседей. В д. Ашкаты Тоншаевского района, где коренным населением в начале XX в. были некрещенные марийцы, после чудесного явления иконы Николая Чудотворца этому святому был установлен праздник и по-

строена часовня<sup>17</sup>. Марийцы д. Одошнур того же района своим покровителем считают Василия Великого – в его честь возведена часовня и установлен праздник, по аналогии с русским называемый престольным (в значении «главный праздник») <sup>18</sup>. В обоих случаях явление христианских святых происходит у почитаемых марийцами священных лип, вокруг которых впоследствии и обустроиваются часовни. В этой ситуации священные марийские деревья становятся для местного языческого сообщества культовым центром почитания новых, заимствованных у русских и христианских по своей сути, явленных праздников. Иными словами, в празднике совершается соединение двух религиозных культов, через которое осуществляются адаптация и включение в культурную память группы новых, чуждых ей до этого момента элементов.

Явления христианских святых и теперь расцениваются марийцами как великие события, значение которых в сознании местного сообщества настолько велико, что культурно-общественные преобразования XX в. не оказали никакого влияния на их почитание.

В самом начале аккультурации группы терюханской мордвы Нижегородского уезда Нижегородской губернии (ныне территория Дальнеконстантиновского района) мы можем наблюдать действие тех же механизмов. Так, в д. Инелейка (ныне с. Богоявление) массовое и добровольное крещение местной мордвы, по преданию, началось после того, как в водах почитаемого мордовского источника мордовская женщина увидела образ Спасителя. В честь этого события был установлен праздник, а в конце XVII в. построен первый храм, и деревня стала селом Богоявленским. Сегодня жители села идентифицируют себя русскими. Память о мордовском происхождении коренного местного сообщества до настоящего времени сохраняется в истории местного

<sup>13</sup> ПМА: с. Епифаново Вачского района Нижегородской области, 2006 г.

<sup>14</sup> ПМА: с. Аламасово Вознесенского района Нижегородской области, 2017 г.

<sup>15</sup> ПМА: с. Суворово Дивеевского района Нижегородской области, 2006 г.

<sup>16</sup> ПМА: с. Макарий-Притыка Варнавинского района Нижегородской области, 2010 г.

<sup>17</sup> ПМА: д. Ашкаты Тоншаевского района Нижегородской области, 2006 г.

<sup>18</sup> ПМА: с. Большой Одошнур, д. Малый Одошнур Тоншаевского района Нижегородской области, 2006 г.

престольного праздника в честь Богоявления, или Крещения Господня<sup>19</sup>.

История престольного праздника мордовского села Маргуша начинается с обретения в реке некрещеной мордвой иконы Казанской Божией Матери. Старожилы села со слов их отцов рассказывают, что после этого события местная мордва стала отмечать в честь иконы праздник, а мордовские мужики поставили богородичные часовенки (столбики с иконкой) на входах во все окрестные священные рощи, чуть позже была построена церковь. На престольный праздник – летнюю Казанскую – местные жители по примеру русских соседей стали совершать с обретенной иконой крестный ход с заходом во все ближайшие деревни. В отличие от коренных сообществ соседних русских деревень, к настоящему моменту почти полностью утративших свои культурные традиции, обрусевшая мордва с. Маргуша совершает крестный ход ежегодно уже более 150 лет. На настоящий момент это единственная на всей территории района живая традиция праздничного обхода с иконой-имениницей<sup>20</sup>.

Из приведенных примеров видно, что укоренение праздника и его участие в формировании культурной памяти зависят от определенной и осознанной сообществом степени значимости для будущих поколений лежащего в его основе события. Для языческих финно-угорских народов явление христианских святынь было не просто первым «посещением Божиим», а первым посещением христианского Бога, началом новой истории, что и нашло отражение в устойчивом статусе праздника.

Событие, ежегодно отмечаемое в формате главного праздника, можно рассматривать как некую точку отсчета, о которой писал М. Элиаде: «Любой праздник всегда разворачивается в начальном времени, ничто не может быть предпринято без предварительной ориентации, а всякая ориентация предполагает наличие какой-то точки отсчета» [34, 23]. Для российской крестьянской общины XIX в., как и для сельских сообществ XX в., ею был престольный праздник, вокруг которого в необходимой

для данного сообщества последовательности выстраивалась вся праздничная иерархия. Внутри праздничной иерархии в каждом отдельном случае могли происходить регулярные перестановки, вызванные изменением отношения сообщества к ценности того или иного празднуемого события. Например, если общество не видело практического смысла в праздновании действующего праздника по обету, принимался новый обет, если происходило новое событие, вытесняющее по значимости событие прежнего явленного праздника, устанавливался новый явленный праздник, и т. д. Обращаясь к культурологической концепции Ю. М. Лотмана, можно заключить, что «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить» [19, 202]. Т. А. Бернштам отмечала, что «многие крестьяне знали о церковном разделении праздников на три чина (великие, средние и малые), но в каждом отдельном случае разделение это происходило самочинно, отбором нужных и ненужных элементов» [8, 260]. Так, престольный праздник, который церковной традицией причислялся к праздникам средним, на деле отмечался наравне с Пасхой, а местные праздники из числа средних и малых (явленные и обетные) в местном праздничном календаре вставляли в один ряд с двенадцатыми церковными праздниками.

Регулярное и доступное каждому поколению обновление системы местных праздников, которое происходило в рамках общероссийской культуры и единой иерархии, было свидетельством ее полной открытости, или, по Л. А. Абрамюну, «нетайности» [1, 13]. При этом «нетайность» и «неосвященность» являются более архаическими чертами, чем торжественность и строгая секретность, а способ празднования часто оказывается более живучим, чем форма обряда [1, 59]. Именно данное обстоятельство позволило местным религиозным праздникам адаптироваться в новом культурном пространстве советской деревни.

Самобытный для каждого селения набор местных праздников на протяжении

<sup>19</sup> ПМА: с. Богоявление Дальнеконстантиновского района Нижегородской области, 2018 г.

<sup>20</sup> ПМА: д. Маргуша Дальнеконстантиновского района Нижегородской области, 2018 г.

двух столетий оставался для жителей основной формирования локальной и семейно-родственной идентичности, о чем свидетельствуют данные интервью: «Это вот наш праздник, а у них другой, свой»<sup>21</sup>; «Вот Рождество у нас гуляли, а на Вознесение в соседнюю деревню шли»<sup>22</sup>; «Это тут празднуют (рассказывает женщина про село, в котором в замужестве прожила более сорока лет), а у нас коренной был Казанская (про свою родную деревню)»<sup>23</sup>.

В послевоенные годы, когда начинается активная миграция сельского населения в города, эта часть культурной памяти для многих уже городских жителей ассоциируется с ощущением детства, отчего дома, малой и большой родины.

### Заключение

Изучение местных сельских праздников в контексте культурной памяти позволяет рассматривать их как одну из универсальных традиционных форм сохранения информации. Местные религиозные праздники брали на себя широкий спектр важнейших функций от почитания местных святых, сохранения памяти о событиях местной истории до межэтнической культурной адаптации. Несмотря на исключительную самобытность местных праздников в каждом сельском сообществе, они имели общую для всей территории России духовно-культурную основу

и единые формы празднования, благодаря которым информация о любом уникальном событии или явлении осмыслялась в рамках единой духовной культуры и общей традиции.

Местные религиозные праздники являлись тем механизмом, посредством которого коллективная память отдельных сельских сообществ осмыслялась, сохранялась и ретранслировалась через единые традиционные формы общерусской духовной культуры. Полная открытость процесса укоренения и способа празднования местных религиозных праздников позволила им адаптироваться в новом культурном пространстве советской деревни. В период массового атеистического сознания местные религиозные праздники оставались «живой» формой коллективной памяти, связывающей новые поколения с его религиозным наследием.

В культурной памяти финно-угорских народов местные религиозные праздники русских соседей стали ключом к восприятию христианских культов и сыграли важную роль в процессах аккультурации.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о перспективности применения данного подхода в изучении феномена местных праздников и могут быть использованы для дальнейшего, более глубокого изучения региональной праздничной традиции.

<sup>21</sup> ПМА: с. Шандрово Лукояновского района Нижегородской области, 2011 г.

<sup>22</sup> ПМА: с. Большое Терюшево, д. Маргуша Дальнеконстантиновского района Нижегородской области, 2018 г.

<sup>23</sup> ПМА: с. Помра Дальнеконстантиновского района Нижегородской области, 2017 г.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1983. 230 с.
2. Артюшкина В. В. Праздничная культура, как способ репрезентации культурной памяти // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 5 (79). С. 138–145.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
4. Беляева Н. Ф. Престольные праздники мордвы-мокши (XIX – начало XX в.) // Проблемы истории, культуры и права. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2002. С. 10–15.
5. Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения: сб. ст. Л., 1985. С. 120–154. URL: [https://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Culture/Article/bernscht\\_budprazd.php](https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/bernscht_budprazd.php) (дата обращения: 15.12.2020).
6. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 278 с.



7. Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт церкви в народном христианстве. СПб.: Петерб. востоковедение, 2000. 395 с.
8. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: Петерб. востоковедение, 2005. 413 с.
9. Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / авт.-сост.: В. М. Фирсов, И. Г. Киселев. СПб.: Изд-во Европ. Дома, 1998. 152 с.
10. Васильев М. И. Местные праздники в системе праздничной культуры русского народа: традиции и современность // Перекресток культур: междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук: сб. ст. М., 2004. С. 10–32.
11. Васильев М. И. Новгородская традиционная праздничная культура: местные праздники Вологовского района. Великий Новгород: б. и., 2001. 129 с.
12. Власова В. В. Заветный праздник в публичном пространстве местного сообщества // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2014. № 3 (19). С. 127–130.
13. Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.
14. Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 274 с.
15. Жигульский К. Праздник и культура: Праздники старые и новые. Размышления социолога. М.: Прогресс, 1985. 334 с.
16. Корнишина Г. А. Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса. Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 371 с.
17. Кремлева И. А. Церковные праздники: место обетных праздников в русле народной культуры // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. М., 2011. С. 122–161.
18. Листова Т. А. Православие в общественно-религиозных праздниках советского и постсоветского времени (по материалам полевых исследований в российско-украинско-белорусском пограничье) // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. М., 2011. С. 161–231.
19. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 200–202.
20. Марийцы: ист.-этногр. очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. 336 с.
21. Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд., 1981. 134 с.
22. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Мордва и вера. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. 531 с.
23. Полищук Н. С. Местные праздники // Русские. М., 2005. С. 602–616. (Народы и культура).
24. Попова В. Н. Инсценировки памяти: о современных формах театрализации праздника // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 49. С. 142–149.
25. Приклонский С. А. Крестьянский мир и приходской причт // Северный вестник. 1885. Сентябрь. № 1. С. 42–64.
26. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (Опыт ист.-этногр. исслед.). СПб.: Азбука, 1995. 174 с.
27. Разлогов К. Э. Память и идентичность // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: колл. моногр. 2-е изд. М., 2015. С. 11–29.
28. Розов А. Н. Народный календарный праздник и православие // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 122–132.
29. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М.: Кучково поле, 2011. 543 с.
30. Терещенко А. В. История культуры русского народа. М.: ЭКСМО, 2007. 729 с.
31. Тульцева Л. А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник. М., 1999. Вып. 25. С. 157–210.
32. Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. 4. Местные праздники. СПб., 2014. 288 с.
33. Чичеров В. И. Зимний период русского народного календаря XVI–XIX вв. (очерки по истории народных верований). М.: Изд-во АН СССР, 1957. 237 с.
34. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 143 с.

Поступила 14.01.2021; одобрена 19.01.2021; принята 20.01.2021.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**О. В. Гальцева** – заведующий сектором этнографии Нижегородского государственно-го историко-архитектурного музея-заповедника, ol.galczewa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1258-3771>



# Local rural holidays as a manifestation of cultural memory of Russian and Finno-Ugric populations in Nizhny Novgorod region

Olga V. Galtseva

*Nizhny Novgorod History and Architecture Museum Reserve,  
Nizhny Novgorod, Russia*

**Introduction.** In the context of cultural memory the article analyzes the rooting mechanism and subsequent functioning of local religious holidays in the cultural space of Russian rural communities of the XIX–XX centuries.

**Materials and Methods.** The article contains studied and generalized materials found in research that give an idea of the problem under consideration. It also employs the author's field materials collected during ethnographic trips to the Nizhny Novgorod region. The theoretical basis of the presented research is the problem-chronological and comparative-historical methods. Such methods of field Ethnography as direct observation and interviewing were used during the collection of field materials.

**Results and Discussion.** In modern humanities, the representative properties of the holidays are interpreted in the context of cultural memory, where the holiday acts as its element or primary form. In this approach, the holiday can be considered as "General text", which, according to Yuri Lotman can be stored and updated in the shared memory of the community, and as the mechanism of this update process, which acts from generation to generation and allows members of this community to exercise their cultural identity. The author considers local religious holidays of the Russian and Finno-Ugric population (Mordovians and Mari people) in Nizhny Novgorod region as one of the traditional forms of preservation, actualization and intergenerational transmission of information, important for the formation of cultural identity.

**Conclusion.** Local religious holidays were the mechanism used for the collective memory of individual rural communities to be comprehended, preserved and transferred through the unified traditional forms of all-Russian spiritual culture. In the cultural memory of the Finno-Ugric peoples, the local religious holidays of the Russian neighbors became the key to the perception of Christian religion and played an important role in the processes of acculturation.

**Keywords:** cultural memory, holiday, local holiday, Patronal holiday, spiritual heritage, national identity

**For citation:** Galtseva OV. Local rural holidays as a manifestation of cultural memory of Russian and Finno-Ugric populations in Nizhny Novgorod region. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;1:38–48 (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.38-48.

## REFERENCES

1. Abramyan LA. Primitive holiday and mythology. Erevan; 1983. (In Russ.)
2. Artyushkina VV. Festive culture, as a way of representation of cultural memory. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* = The Bulletin of Moscow State University of culture and arts. 2017;5:138–145. (In Russ.)
3. Bahtin MM. The work of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow; 1990. (In Russ.)
4. Beliaeva NF. Patronal feasts of Mordva-Moksha (XIX – early XX centuries). *Problemy istorii, kul'tury i prava* = Problems of history, culture and law. Saransk; 2002:10–15. (In Russ.)
5. Bernshtam TA. Weekdays and holidays: Adult behavior in the Russian peasant environment (XIX – early XX century). *Etnicheskie stereotipy povedeniia: sb. st.* = Ethnic stereotypes of behavior. Collection of articles. Leningrad; 1985:120–154. Available from: [https://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Culture/Article/bernscht\\_budprazd.php](https://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Culture/Article/bernscht_budprazd.php) (accessed 15.12.2020). (In Russ.)
6. Bernshtam TA. Youth in the ritual life of the Russian Community of the XIX – early XX centuries: Gender and age aspect of traditional Culture. Leningrad; 1988. (In Russ.)
7. Bernshtam TA. Youth in the symbol of the transitional rites of the Eastern Slavs: The Teaching and experience of the Church in Popular Christianity. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.)
8. Bernshtam TA. Parish Life of the Russian Village. Essays on Church Ethnography. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.)

9. The life of a giant peasant-cultivator: Description of the materials of the Ethnographic bureau of Prince V. N. Tenishev (for the affairs of the Vladimir province). Saint Petersburg; 1998. (In Russ.)
10. Vasil'ev MI. Local holidays in the system of festive culture of the Russian people: traditions and modernity. *Perekrestok kul'tur: mezhdistsiplinarnye issledovaniia v oblasti gumanitarnykh nauk: sb. st.* = Crossroads of Culture: Interdisciplinary Studies in the Humanities. Collection of articles. Moscow; 2004:10–32. (In Russ.)
11. Vasil'ev MI. Novgorod traditional holiday culture: local holidays of the Volotovsk district. Velikij Novgorod; 2001. (In Russ.)
12. Vlasova V.V. Cherished holiday in the public space of the local community. *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk* = Proceedings of the Komi Science centre Ural branch Russian academy of sciences. 2014;3(19):127–130. (In Russ.)
13. Gromyko MM. The World of the Russian Village. Moscow; 1991. (In Russ.)
14. Gromyko MM. Traditional norms of behavior and forms of communication of Russian peasants of the XIX century. Moscow; 1986. (In Russ.)
15. ZHigul'skij K. Holiday and culture. Holidays old and new. Reflections of a sociologist. Moscow; 1985. (In Russ.)
16. Kornishina GA. Traditional-ritual culture in the system of the Mordovian ethnic group. Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG; 2011. (In Russ.)
17. Kremleva IA. Church holidays: the place of votive holidays in the mainstream of folk culture. *Tserkovnye prazdniki russkogo naroda: ot proshlogo k nastoiashchemu* = Church holidays of the Russian people: from the past to the present. Moscow; 2011:122–161. (In Russ.)
18. Listova TA. Orthodoxy in social and religious holidays of the Soviet and post-Soviet times (according to field studies in the Russian-Ukrainian-Belarusian borderlands). *Tserkovnye prazdniki russkogo naroda: ot proshlogo k nastoiashchemu* = Church holidays of the Russian people: from the past to the present. Moscow; 2011:161–231. (In Russ.)
19. Lotman YuM. Memory in cultural sale. *Izbrannye stat'i: v 3 t.* = Selected articles. Tallinn; 1992;1:200–202. (In Russ.)
20. Mari people. Historical and ethnographic essays. Yoshkar-Ola; 2005. (In Russ.)
21. Mel'nikov-Pechersky PI. Essays of Mordvian. Saransk; 1981. (In Russ.)
22. Mokshin NF, Mokshina EN. Mordvins and Faith. Saransk; 2005. (In Russ.)
23. Polishchuk NS. Local holidays. *Russkie* = Russian. Moscow; 2005:602–616. (In Russ.)
24. Popova VN. Scenes of Memory: about Modern Forms of Theatricalization of the Holiday. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* = Vestnik of Kemerovo state university of culture and arts. 2019;49:142–149. (In Russ.)
25. Priklonskij SA. Peasant world and parish clergy. *Severnyi vestnik* = Northern Bulletin. 1885;1:42–64. (In Russ.)
26. Propp VYa. Russian agrarian holidays. Experience of comparative ethnographic research. Saint Petersburg; 1995. (In Russ.)
27. Razlogov KE. Memory and identity. *Kul'turnaia pamiat' v kontekste formirovaniia natsional'noi identichnosti Rossii v XXI veke: koll. monogr. 2-e izd.* = Cultural memory in the context of the formation of the national identity of Russia in the XXI century. Collective Monograph. Moscow; 2015:11–29. (In Russ.)
28. Rozov AN. Folk calendar the feast of Orthodoxy. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* = People. Culture. Education. 2018;3:122–132. (In Russ.)
29. Snegirev IM. Russian folk holidays and superstitious rites. Moscow; 2011. (In Russ.)
30. Tereshchenko AV. History of the culture of the Russian people. Moscow; 2007. (In Russ.)
31. Tul'ceva LA. Feast day in the film world Orthodox peasant. *Rasy i narody: sovremennye etnicheskie i rasovye problemy: ezhegodnik* = Races and Peoples: modern ethnic and racial problems. Yearbook. Moscow; 1999;25:157–210. (In Russ.)
32. Chernyh AV. Russian folk calendar in the Kama region: holidays and rituals of the late XIX – mid XX century. Part IV. Local holidays. Saint Petersburg; 2014. (In Russ.)
33. Chicherov VI. Winter period of the Russian folk calendar of the XVI–XIX centuries (Essays on the history of folk beliefs). Moscow; 1957. (In Russ.)
34. Eliade M. The sacred and the mundane. Moscow; 1994. (In Russ.)

Submitted 14.01.2021; reviewing 19.01.2021; accepted 20.01.2021.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**O. V. Galtseva** – Head of Ethnography Department, Nizhny Novgorod History and Architecture Museum Reserve, ol.galczewa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1258-3771>